

На правах рукописи

ПОПКОВА Наталья Николаевна

**Доминанты идиостиля поэта-ирониста
(на материале текстов Игоря Иртеньева)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург
2007

Работа выполнена на кафедре риторики и стилистики русского языка
государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Уральский государственный университет им. А.М. Горького»

Научный руководитель:	доктор филологических наук, профессор Н.А. Купина
Официальные оппоненты:	доктор филологических наук, профессор Н.С. Болотнова кандидат филологических наук, доцент Н.А. Юшкова
Ведущая организация:	ГОУ ВПО «Пермский государственный университет»

Защита состоится 30 мая 2007 года в 13.30 часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора филологических наук при Уральском государственном университете им А.М. Горького (620083, Екатеринбург, к-83, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Автореферат разослан 28 апреля 2007 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

М.А. Литовская

В диссертационном исследовании осуществляется опыт описания идиостиля поэта-ирониста Игоря Иртеньева в лингвокультурном контексте современности.

К характеристике нынешнего состояния отечественной литературы приложимо предложенное Ю.Н. Тыняновым определение историко-литературного «промежутка». Исследователи констатируют редукцию высокого эстетического и поэтического идеала, проникновенного лиризма, почти полное отсутствие выдающихся литературных событий. На этом фоне заметны активные стилевые поиски иронической поэзии, адекватно отражающей мироощущение своей эпохи. Нельзя не признать, что гражданская «зрелость» и гражданская определенность обеспечивают иронической поэзии и политическую остроту, и эстрадный успех. Ироническая поэзия не претендует на создание принципиально новых художественных форм, но она, по нашему мнению, способна стимулировать обновление поэтического языка. Закономерную активизацию иронической поэзии и шире – литературы смеховой направленности – именно во время «пауз», свойственных развитию и распространению высокой литературы, можно считать своеобразной попыткой преодоления кризиса высокой традиции.

Традиционно ироническая поэзия и литература смеховой направленности считается низкой. Иронисту нередко отказывают в праве называть себя поэтом (В.Г. Кулаков, А.Э. Скворцов и др.). В диссертационной работе ставится вопрос об идиостилевом своеобразии поэтического творчества ирониста. Решение этого вопроса требует специального анализа, направленного на выявление стилевых примет авторской индивидуальности.

Актуальность исследования определяется необходимостью оперативного осмысления функций современной иронической поэзии, её места в литературном потоке, индивидуально-стилистического своеобразия текстов иронистов, а также причин кризиса смеховых литературных жанров.

Особое место в литературе наших дней занимает творчество Игоря Иртеньева. Стихотворения поэта отличаются чувством языка, его ирония погружена в ситуацию интеллектуального общения, а смеховая отстранённость способствует разрушению мыслительных стереотипов, ложного пафоса, штампов, в том числе и поэтических. Стихотворное творчество Игоря Иртеньева не осталось незамеченным исследователями (И.Е. Васильев, Л.В. Зубова, М.А. Кронгауз, В.Г. Кулаков, В.З. Санников, А.Э. Скворцов). Его иронические стихи выполняют необходимую функцию очищения поэзии от штампованности.

Поскольку И.Иртеньев известен широкой публике как участник теле-, радиопроектов разных лет («Итого», «Бесплатный сыр», «Плавленный сырок»), мы сочли целесообразным привлечь для частичного сопоставления стихи В.Вишневского, В. Жука, С. Плотова, звучащие в эфире.

Материал диссертационного исследования – стихотворное творчество И.Иртеньева (более 700 текстов) и творчество поэтов-иронистов, принимающих участие в реализации современных медийных проектов. Источники материала – поэтические сборники И. Иртеньева (1989; 1990; 1991; 1994; 1995; 1997; 1998;

1999; 2000; 2005; 2006); сборники стихотворений поэтов-иронистов (Вишневский 1999; 2000; 2004; Жук 2006; Плотов, Жук 2006). В процессе сбора материала были использованы тексты поэтов-иронистов, размещённые на интернет-сайтах (www.irteniev.msk.ru, www.vishnevskii.ru, www.gazeta.ru, www.gzt.ru), газетные и журнальные публикации («Литературная газета», «Московский комсомолец», «Арион», «День поэзии», «Знамя», «Магазин», «Новый мир», «Огонёк», «Октябрь», «Юность»).

Значительный объём привлечённого для анализа текстового материала поставил перед нами проблему моделирования исследовательского объекта. Исходя из того, что корпусу изучаемых текстов свойственна ироническая модальность, а также ориентация на характеризованный тип адресата, мы сочли целесообразным обратиться к понятию сверхтекста, определяемого как «совокупность текстов, ограниченная темпорально и локально, объединённая содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определёнными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормального/ аномального» (Н.А. Купина).

Объект исследования – иронический сверхтекст Игоря Иртеньева как целостное образование, а также участки иронического сверхтекста, функционирующего в современном медиапространстве.

В диссертационной работе идиостиль поэта-ирониста Игоря Иртеньева исследуется в опоре на идею стилеобразующей доминанты (Ю.Н. Тынянов). Применительно к идиостилю автора все средства и приёмы описываются с учётом их функциональной значимости и регулярности реализации.

Цель диссертационной работы – выявление стилеобразующих доминант поэтического творчества Игоря Иртеньева, интерпретация идиостилевых особенностей его произведений. Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- 1) систематизировать основные исследовательские подходы к феномену иронии, значимые для лингвистической интерпретации последнего; отталкиваясь от установленной в процессе анализа текстообразующей функции иронии, установить специфику представленности в сверхтексте Игоря Иртеньева объектов иронии;
- 2) на фоне усилившейся в современной иронической поэзии тенденции к публицистичности описать реализацию этой тенденции в двух исследуемых сверхтекстах; охарактеризовать публицистическую доминанту иртеньевского сверхтекста;
- 3) определить идиостилевые доминанты сверхтекста Игоря Иртеньева, проявляющиеся в способах субъектной организации текста и приёмах использования прецедентных единиц.

Предмет исследования определяется в зависимости от направления поисков идиостилевых доминант современного иронического текста и сверхтекста. В соответствии с конкретными этапами исследования предмет анализа уточняется.

На первом этапе исследования систематизируются значимые для лингвистического анализа текста концепции иронии; на материале сверхтекста

иронических стихотворений И.Иртеньева выявляются способы репрезентации объектов иронии. **Предмет анализа** – средства репрезентации объекта иронии.

На втором этапе исследования рассматриваются приметы публицистичности в современной иронической поэзии. Первоначально для анализа привлекается свертхтекст, функционирующий в современном медиапространстве, характеризуются языковые средства, формирующие публицистическую картину мира; затем на материале свертхтекста и репрезентативного участка свертхтекста И.Иртеньева характеризуются средства и способы создания публицистической картины мира и художественной картины мира. Осуществляется опыт интерпретации публицистической доминанты идиостиля. **Предмет анализа** – языковые средства и комбинации средств, обеспечивающие формирование текстовых категорий, которые отражают специфику публицистической картины мира в её отличии от художественной.

На третьем этапе исследования поиск идиостилевых доминант свертхтекста И.Иртеньева сопряжён с описанием особенностей субъектной организации текстов и свертхтекста в целом, характеристикой приёмов использования И.Иртеньевым прецедентных единиц в интертекстуальном пространстве свертхтекста. **Предмет анализа** – языковые средства номинации, таксономии и характеристики субъекта речи, прецедентные единицы и приёмы их использования.

Отмеченные этапы исследования обусловили **структуру работы**: диссертация состоит из введения, трёх основных глав, заключения, а также списка текстовых источников материала, списка использованной литературы, списка использованных словарей и справочников, списка принятых в исследовании сокращений.

Научная новизна исследования. Собственно лингвистический, стилистический и лингвокультурологический анализ творчества современного поэта-ирониста Игоря Иртеньева позволил охарактеризовать идиостилевые доминантные особенности иронического свертхтекста, предложить интерпретацию идиостилевых доминант: объектной многослойности свертхтекста, его субъектной организации (театр масок), приёмов создания интертекстуальности.

Теоретическая и практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в трудах по проблемам лингвокультурологии, поэтики и стилистики; материалы диссертации могут быть использованы в учебных курсах филологического анализа текста, культуры речи и стилистики, а также в спецкурсах и спецсеминарах по проблемам иронии и иронической поэзии.

В процессе исследования использованы **методы и приёмы** лингвистического, категориально-текстового анализа, а также методы контекстологического анализа и лингвокультурологической интерпретации речевых средств текста.

Положения, выносимые на защиту:

1. Иронический сверхтекст, функционирующий в современном медиапространстве, репродуцирует публицистическую картину мира со свойственными ей фактографичностью, злободневностью, открытой оценочностью, реальным хронотопом.

Публицистичность выступает как стилевая доминанта отмеченного идиостилевой спецификой иронического сверхтекста Игоря Иртеньева.

2. Ироническая модальность охватывает все произведения Игоря Иртеньева и выступает как текстообразующая категория, которая обнаруживается в принципах отбора и структурирования объектов иронии, системе образов, идейно-тематическом и композиционном развёртывании текста, организации системы субъектных опосредований и интертекстуальных связей произведения.

3. Идиостилевая доминантная особенность сверхтекста Игоря Иртеньева заключается в объектной многослойности: движении от конкретных объектов (открытая ирония) к универсальным (скрытая ирония). В качестве самостоятельного объекта открытой иронии выступает язык (живые языковые процессы рубежа XX-XXI веков). В то же время в тексте обнаруживается укрупнение, универсализация объекта иронического оценивания: регулярно возникает повод для осмысления связей язык – культура; язык – нравственность; язык – социально-психологическое состояние общества.

4. Доминанта идиостиля Игоря Иртеньева проявляется в специфике субъектной организации сверхтекста: на основе реализации приёма речевого портретирования поэт создаёт театр масок; он разрабатывает аналогичную драматургической технологию создания речевой партии маски, целенаправленно используя языковые средства индивидуальной и групповой идентичности в их разнообразных комбинациях.

5. Доминантой идиостиля Игоря Иртеньева является интертекстуальность. Приметы идиостиля отражаются в принципах отбора источников прецедентных единиц, их многочисленных разновидностях, специфических приёмах введения прецедентной единицы в речевую ткань текста, особенностях комбинации прецедентных единиц в границах одного текста, а также заданном художественной стратегией автора репертуаре функций прецедентных единиц в тексте и сверхтекстовой среде.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования изложены автором в выступлениях на Международных научных конференциях в Екатеринбурге (2004, 2005), Всероссийских научных конференциях в Екатеринбурге (2002, 2006), Томске (2005), Ульяновске (2006). По теме диссертации опубликовано десять работ, в том числе глава в коллективной монографии и шесть статей. Одна из статей опубликована в журнале, рекомендованном ВАК РФ. Диссертация обсуждалась на кафедре риторики и стилистики русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Краткое содержание диссертации

Во **введении** обосновывается актуальность избранной темы, новизна исследования, определяются его цели и задачи, формулируются положения, выносимые на защиту, отбираются и осмысливаются базовые теоретические понятия.

Важным для исследования является понятие «идиостиль» автора. Идиостиль определяется как «система концептуально значимых для писателя принципов организации текста» (Н.С. Болотнова), которые, в свою очередь, диктуют отбор и сочетаемость языковых средств, а также использование определённых стилистических приёмов.

Идеи и методы филологической интерпретации идиостиля разработаны в отечественной науке (М.М. Бахтин, Н.С. Болотнова, М.П. Брандес, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, И.Р. Гальперин, М.Л. Гаспаров, В.П. Григорьев, В.М. Жирмунский, С.Т. Золян, Л.В. Зубова, И.И. Ковтунова, Н.А. Кожевникова, Б.А. Ларин, Е.А. Некрасова, О.Г. Ревзина, Ю.С. Степанов, В.Н. Топоров, Ю.Н. Тынянов, Б.А. Успенский, Н.В. Черемисина, И.Я. Чернухина и др.). Проблема идиостиля имеет многоаспектный характер. В отечественной науке имеется множество подходов к его анализу (Н.С. Болотнова, И.В. Вольфсон, В.П. Григорьев, Л.В. Зубова, М.Ю. Мухин, В.В. Одинцов, Очерки истории языка русской поэзии XX века (1990, 1993, 1994, 1995), Н.В. Павлович, В.А. Пищальникова, И.А. Тарасова, И.Я. Чернухина и др.).

Опорным методологическим понятием для исследования является понятие «доминанта идиостиля», или «главенство, выдвинутость одного фактора (или группы факторов), функционально подчиняющего и окрашивающего остальные в литературной системе» (Ю.Н. Тынянов). Из определения следует, что все языковые факты должны описываться с точки зрения их значимости в идиостилевой системе. Ведущей в работе является «лингвистическая реальность» (В.П. Григорьев) идиостиля автора. В то же время анализ, ориентированный на поиск доминант, организующих идиостиль, требует учёта эвристического потенциала трактовок индивидуального стиля художника, оформившихся не только в границах лингвостилистики и стилистики художественной речи, но и в рамках стилистики текста, а также когнитивной стилистики.

Глава первая **«Ирония и объекты иронии»** состоит из двух разделов.

В первом разделе **«Ирония: направления интерпретации»** проводится систематизация основных концепций иронии, значимых для лингвистического анализа художественного текста. Мы полагаем, что изучение иронии следует проводить с учётом основных положений как лингвистических, так и литературоведческих, а также культурологических исследований. Рассматривая иронию с лингвистической точки зрения, мы стремимся обозначить теоретические положения, которые определяют выбор принципов анализа иронического текста.

Множественность подходов к иронии обуславливается сложностью самого феномена. Основными подходами к изучению природы феномена

иронии являются эстетический (М.М. Бахтин, Ю.Б. Борев, В.В. Бычков, Б.Дземидок, М.С. Каган, В.Я. Пропп, О.В. Солодовникова), историко-философский (П.П. Гайденко, О.А. Коновалова, А.Ф. Лосев, В.О. Пигулевский, Л.А. Мирская, О.М. Фархитдинова, В.И. Хрулёв, И.В. Черданцева, В.П. Шестаков), коммуникативно-риторический (Е.Н. Зарецкая, W.C. Booth, D.C. Muecke, L. Satterfield), историко-литературный (С.А. Жукова, И.Н. Иванова, Ю.В. Каменская, М.Г. Соколянский, Л.М. Шайхинова, Р.В. Шалдина), психологический (Т.В. Иванова, Э.И. Киришбаум, Ж.Лакан, З. Фрейд), культуроцентрический (В.М. Пивоев), лингвистический (И.В. Арнольд, И.С. Арутюнова, С.Н. Балашов, И.Р. Гальперин, О.П. Ермакова, М.Р. Желтухина, Ю.В. Каменская, С.И. Походня, Н.С. Салихова, Л.В. Чернец).

Проблема соотношения смеха, комического и иронии является одной из ключевых для понимания природы последней. В работе специально рассматривается вопрос о статусе иронии в структуре комического.

Для уточнения лингвистического понимания иронии мы обращаемся к словарным определениям термина «ирония» и определениям, представленным в специальных исследованиях (О.С. Ахманова, А.П. Квятковский, С.Е. Никитина, Н.В. Васильева, Т.В. Матвеева, И.Р. Гальперин, М.Л. Гаспаров, О.П. Ермакова, Г.П. Казанская, М.К. Морен, Н.Н. Тетеревникова, С.И. Походня, А.Т. Рубайло, А.П. Сковородников, Ю.М. Скребнев и др.).

Устойчивым становится разграничение иронии как стилистического тропа /приёма, смысл которого заключается в противоречии между смыслами буквальным и скрытым, и иронии как категории текста, связанной со структурой художественного целого и позволяющей автору имплицитно передать свое отношение к изображаемому. Осмысление текстообразующей функции иронии требует декодирования текста, учёта целого ряда параметров, в том числе субъектной организации текста и интертекстуальных связей.

Особое внимание исследователи уделяют описанию языковых средств создания иронической оценки, сигналам иронии (Л.И. Ерёмин, О.П. Ермакова, С.И. Походня, В.З. Санников, А.П. Сковородников и др.). Специфика иронии состоит в том, что её реализация в художественном тексте происходит при участии средств всех языковых уровней (С.И. Походня). В тексте художественного произведения ведущая роль принадлежит средствам лексико-семантическим. Слова, в которых иронически окрашенный экспрессивный элемент объективно входит в структуру значения, используются редко. Лексическая система языка располагает единицами, обладающими закрепленной иронической окраской. Мы установили, что в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (2006) из 80 000 зафиксированных слов и фразеологических выражений только 230 характеризуются пометой «ирон.».

Основной результат данного этапа исследования – создание теоретической базы для интерпретации авторского иронического сверткста. Сверткст поэта-ирониста охватывает ироническая модальность, выступающая как текстообразующая категория. Именно ироническая модальность обуславливает доминантные особенности идиостиля Игоря

Иртеньева: принципы публицистичности, отбора объектов иронии, организации системы субъектных опосредований и интертекстуальных связей произведения и выдвигание на первый план читательского восприятия контраста как конструктивного принципа синтагматической организации элементов текста. Ирония как троп в ряде случаев требует декодирования. Являясь по преимуществу стилистическим приёмом, ирония в то же время оказывается и способом поэтического мировосприятия.

Во втором разделе первой главы «Объекты иронии в произведениях И.Иртеньева» выявляется идиостилевый принцип репрезентации объектов иронической оценки в сверткесте поэта-ирониста.

Характерные отношения между ироником (субъектом иронии) и объектом иронии составляют отличительное свойство иронической коммуникации. В данном разделе, опираясь на анализ отдельных текстов, мы демонстрируем общий принцип выбора и языковой представленности объекта иронии (открытой и скрытой). Выбор объекта, с одной стороны, определяется нравственными, мировоззренческими установками автора, с другой, – текущей событийной действительностью. Принцип репрезентации И. Иртеньевым объекта иронии, по нашим наблюдениям, состоит в подтекстовом укрупнении номинированного в тексте объекта.

Для специального анализа объектной структуры иронического сверткеста И.Иртеньева нами выделены группы конкретных объектов, очевидная динамика которых позволяет автору выявить состояние общества и общественных нравов в реальном времени с возможными ретроспективными отсылками и авторским прогнозированием будущего. В работе рассматриваются две группы иронически оцениваемых объектов, извлекаемых из политической сферы и сферы языковой действительности рубежа XX-XXI веков. Выбор именно этих объектов мотивирован. Так, мы отмечаем, что политика (и политики) как объект иронической авторской оценки преобладает в количественном отношении. Современное (перестроечное, постперестроечное, постсоветское) общество политизировано, поэтому выбор объекта из политической сферы обеспечивает обратную связь с адресатом (читателем, зрителем, радиослушателем). Кроме того, изучение сферы политического в качестве актуального объекта иронического отношения позволяет фиксировать полноту иронической оценки И.Иртеньева: от дружеского подшучивания до открытой агрессии. Выделение языка как особого объекта иронии для лингвистического исследования представляется особенно важным. В поле зрения автора иронических произведений попадают языковые изменения рубежа веков, косвенно свидетельствующие об изменении культурного типа россиянина.

В процессе лингвостилистического и лингвокультурологического анализа в сверткесте И.Иртеньева различаем виды языковой представленности объекта иронии. Так, на первый план читательского восприятия выдвигаются объекты, которые прямо обозначены в тексте: номинируются, например, имя действующего политика, факт, актуальное в момент написания стихотворения политическое событие. Такие объекты-поводы обеспечивают

публицистическую злободневность иронического произведения. Глубинный смысл текста (Н.А. Купина) связан с обнаружением скрытых универсальных объектов иронии: нравственность политика и политики, моральные устои общества, государственное устройство, народ, власть и др. Универсальный объект, «прикрытый» конкретно-образными (Д.Н. Шмелёв) объектами, сообщает тексту художественную условность и концептуальную значимость. Например, в стихотворении «Листья жёлтые медленно падают» (1999) развёрнутая метафора цирка содержит образно-оценочную ироническую характеристику Госдумы РФ как цирка (локус-конкретизатор *Охотный ряд*), образно-оценочную характеристику депутатов как *союза циркачей*, элементы образно репродуцированного в виде циркового шоу сценария заседаний Госдумы. С одной стороны, конкретными объектами иронии являются театрализованная выборная кампания, теневая сторона политических действий, с другой, – объектами «прикрытой» горькой иронии становятся лживость политики, отсутствие общегосударственной стратегии, подмена стратегии зрелищем для народа: <...> *Ничего меня больше не радует / Даже цирк на Охотном ряду. / Ощущение общей усталости, / Да и вид у артистов несвеж: / Не любому под силу до старости / Выходить колесом на манеж. / Но, боюсь, не придется расстаться нам: / Вопреки уговорам врачей, / Снова рвется к цветам и овам / Нерушимый союз циркачей. / Боевой их накал не снижается, / Предстоят нам веселые дни, / Наши шоу, друзья, продолжается, / Новый цирк зажигает огни.*

Самостоятельным объектом иронии в произведениях И.Иртеньева выступает язык – живые языковые изменения рубежа XX-XXI вв. В ироническом сверхтексте нашли отражение те актуальные языковые процессы, которые свидетельствуют о сдвигах в общественном сознании. Иронический эффект, возникающий в стихотворном произведении, привлекает внимание к нестабильности культурно-речевой ситуации, дает возможность объективно оценить язык как культурно-ценностный объект, осмыслить конкретные языковые изменения и их причины, установить меру влияния этих изменений на общее состояние русского языка и культуры.

Анализ сверхтекста, который изменяется по мере развития самого языка, позволил установить, что основными объектами иронической рефлексии в текстах И.Иртеньева становятся нестабильность нормативно-стилистической системы русского языка (жаргонизация, вульгаризация, «канцелярит»), рассогласованность элементов лексической системы как проявление «языкового карнавала», редукция высокого, идеологизация и деидеологизация русской лексики, экспансия иноязычной лексики.

Языковой конфликт исконного и заимствованного развёртывается в сверхтексте на фоне конфликтов культурных, ментальных, выявляющих инородность и нелепость неосвоенных заимствований в русской речекультурной среде. Стилистическая рассогласованность подчёркивает неорганичность элементов такого рода. Например: *Ёлки-палки, лес густой, / Трюфели-опята, / Был я раньше мен крутой, / Вышел весь куда-то. / Ноу*

смокинг, ноу фрак, / Даже хау ноу, / У меня один пиджак / Да и тот хреновый («Дружно катятся года», 1992).

Ироническая рефлексия Иртеньева направлена на осмысление стилистических возможностей архаизмов в современном речевом употреблении. Улавливая тенденцию к утрате высокого, он показывает невозможность восполнения этого стилистического регистра с помощью механического отбора устаревших элементов языка. Так, характерная для традиционного русского восприятия мира поэтизация женщины, исключая откровенность в описании телесного, обнаруживает стилистическое и содержательное отталкивание лексических архаизмов от активной лексики с семами 'плотское', 'физическое': *Для чего дано мне тело? / Для того оно дано, / Чтоб в нем жизнь ключом кипела / И бурлила заодно, / Чтобы, сняв с него фуфайку, / Как диктует естество, / Милой деве без утайки / Демонстрировать его* («Что зачем», 1983). В приведенном поэтическом высказывании возникает конфликт архаического существительного *дева*, обладающего культурными коннотациями, и бытовизма *фуфайка*. Конфликт подчеркивает вымывание высокого не только в сфере языка, но и в сфере чувств.

Анализ показывает, что иронические тексты поэта являются несентенциозным вариантом языковой критики, содержат глубокий аксиологический потенциал, полезный для лингвокультурологических практик. Значимыми для иронической поэзии И. Иртеньева оказываются функции лингвистической диагностики и лингвистического прогнозирования.

Основным принципом репрезентации объектов иронии, извлечённых из сферы политической и сферы языковой, в сверхтексте И.Иртеньева оказывается движение от конкретного объекта к универсальному. За образной конкретизацией всегда скрыты вечные, универсальные объекты иронии – этические, эстетические, идеологические, культурно-ценностные. Объектная многослойность – доминанта иронического сверхтекста, свидетельствующая о художественной значимости иронического текста И.Иртеньева.

Вторая глава диссертационного исследования **«Публицистичность современной иронической поэзии»** состоит из двух разделов.

В первом разделе **«Тенденция к публицистичности в иронической поэзии»** рассматриваются приметы публицистичности в современной иронической поэзии. На данном этапе для анализа привлекается сверхтекст, функционирующий в современном медиапространстве. Характеризуются языковые средства, формирующие публицистическую картину мира (Г.Я. Солганик).

Публицистический текст сосредоточен на рассмотрении актуальных, общественно значимых политических, экономических, социальных и других проблем, событий, фактов (Л.Г. Кайда, А.Н. Кожин, М.Н. Кожина, В.Г. Костомаров, О.А. Крылова, Л.М. Майданова, Т.В. Матвеева, Е.П. Прохоров, Г.Я. Солганик, М.И. Стюфляева, В.В. Ученова, М.С. Черепанов). Исследователи видят предназначение публицистики в её воздействии на современное общественное мнение, её способности агитировать и

пропагандировать. Публицистический текст отличается от художественного своей полемичностью, открытой оценочностью. В отличие от художественных произведений, в публицистике не подтекст, а сам текст выражает авторское отношение к излагаемым фактам. Злободневность, социальная оценочность, реальный хронотоп являются стилеобразующими чертами публицистики (Г.Я. Солганик).

Исследование иронических произведений (В.Вишневского, В.Жука, И.Иртеньева, С.Плотова), функционирующих в пространстве масс-медиа, позволяет утверждать, что объектом авторской оценки являются факты событийного реального настоящего времени, оказывающие воздействие на идеологическое сознание адресата, а позиция автора иронического текста характеризуется критическим отношением к изображаемому. Злободневный факт становится поводом создания стихотворения. Так, в стихотворении С. Плотова «Что поделаешь – мочат» (2006) убийство журналиста «Новой газеты» Анны Политковской вписано в череду аналогичных трагических событий и позволяет в целом охарактеризовать социально-политическую ситуацию в стране: *Что поделаешь – мочат.../ Атмосферочка мрачная. / По сортирам – не очень,/ По подъездам – удачнее./ Так не надо про страшное! / Ты давай – про гламурное. / Все солдаты – бумажные. / Все оркестры – бравурные. / Все часы – комендантские <...>.*

Как показывает анализ иронического сверхтекста, функционирующего в современном медиaprостранстве, спектр тем публицистически направленной иронической поэзии отражает «болевыe точки» реального жизненного существования. В центре внимания поэтов-иронистов – беды, приковывающие внимание общества: события в Чечне, проблемы российской армии, этнический экстремизм и др. В современных иронических текстах обнаруживаем свойственное публицистике обличение «язв действительности», общественных пороков. Это делает ироническое стихотворение остро злободневным.

Включение в текст факта, осмысление значимого события нередко сопровождается типовыми темпоральными отсылками. Так, наблюдаем употребление общеязыковой метафоры политической «застой», обозначающей брежневское время: *Не говори мне про застой,/ Не объясняй его причину...* (Иртеньев 1989), употребление общеязыковой метафоры «перестройка»: *О перестройки пятом годе, / В разгар цветения ея* (Иртеньев 1989); *«С перестройкой мы влетели...» – / Стал народ настаивать./ Мы и строить не хотели,/ А уж перестраивать!..* (Жук, Плов 2005); употребление лексемы с конкретным временным значением в её привязанности к факту / событию: *В девять дней с убийства Ани / Лупят всех братки в Назрани!* (Жук, Плов 2006) и др. Публицистическое звучание иронические тексты приобретают и в результате использования имени собственного реального лица. Употребление собственных имён современников конкретизирует пространственно-временные рамки высказывания, привязывает его к актуальной затекстовой ситуации. Мера злободневности текста при этом будет зависеть от «узнавания» имени: *Ой, обратно я хочу,/ К Леониду Ильичу* (Жук,

Плотов 2006); *Я помню: прошлый век, зарницы, / Аж девяностые свистят... / Гайдар заставил рубль трудиться...* (Вишневский 2003).

Сетка идеологем, встроенная в иронические тексты современных поэтов, рассматривается в работе как диагностическое пространство сигналов публицистичности. Процесс деидеологизации, охвативший публицистику на рубеже веков (Е.В. Какорина), ярко проявляется и в текстах иронистов. Авторы, отталкиваясь от идеологических схем, введённых в общественное сознание советского народа, погружают эти схемы в контекст современности. Направления использования в текстах идеологем и мифологем советского времени отражают свойственные коллективному сознанию «идеологическую растерянность», «идеологический цинизм и эклектизм» (Н.А. Купина). Например, идеологемы советского времени утрачивают устойчивые идеологические приращения, приобретают новые смыслы, оцениваются по-новому. Основным видом авторской оценки в поэтическом тексте является ирония. Идеологически нагруженный текст, в котором используются стилистически конфликтные элементы, приобретает пародийное звучание: *То ли просто муть всплыла, / То ли свой эффект дала / Очистительная клизма / Развитого плюрализма* (Вишневский 1999). Помещённая в профанный контекст идеологема-советизм «развитой социализм» деформируется с помощью лексической замены – ключевой идеологемы перестройки *плюрализм*.

Погружение адресата в актуальную проблематику, номинация событий, явлений, находящихся «на слуху» собственных имён политиков, общественных деятелей, меткая характеристика фактов реального текущего настоящего, ориентация на состояние общественного идеологического сознания и живую культурную память – всё это создаёт эффект публицистичности, документальности иронического текста.

Усиление публицистической составляющей современной иронической поэзии, вероятно, во многом обусловлено социокультурными факторами: стремление обрести реального читателя (зрителя, радиослушателя) в быстро меняющейся действительности заставляет авторов-иронистов искать пути оперативного выражения активной гражданской позиции. Пристрастность, эмоциональность, прямая оценочность публицистического слова, актуальность, злободневность обеспечивают широкий общественный резонанс. Доминирование в иронической поэзии публицистического начала ведёт к редукции поэтического, нарушению требований взыскательного языкового вкуса.

Публицистически ориентированный иронический свертхтекст, функционирующий в медиапространстве, привлекается в диссертационном исследовании для сопоставления с ироническим свертхтекстом И.Иртеньева. Сопоставление двух иронических свертхтекстов, проведённое в том числе и на когнитивных основаниях, позволяет осуществить интерпретацию публицистичности как доминантного идиостилювого параметра свертхтекста поэта-ирониста.

Во втором разделе «Публицистичность как доминанта идиостиля И.Иртеньева» характеризуются средства и способы создания

публицистической картины мира и художественной картины мира. На данном этапе анализа, связанного с выявлением доминант идиостиля Игоря Иртеньева в сопоставлении с творчеством других поэтов-иронистов, учитывается выработанный когнитивной стилистикой подход к интерпретации художественного текста как отражению индивидуальной картины мира автора. В процессе конкретного анализа мы отталкиваемся от категориального принципа описания картины мира, предложенного Г.Я. Солгаником. Своеобразие художественного и публицистического видения мира прослеживается в опоре на универсальные слагаемые картины мира, – *субъект, объект, время и пространство*. Специально рассматриваются особенности субъектной, темпоральной, пространственной организации текстов, которые соответствуют специфике публицистической картины мира.

В ироническом сверхтексте И.Иртеньева, по нашим наблюдениям, авторское сознание выражается не через позицию одного субъекта, а через совокупность субъектных позиций, их взаимодействие. Позиция и голос автора растворены и скрыты в подтексте, что составляет отличие анализируемого сверхтекста от собственно публицистического. Многосубъектность является приметой иронического сверхтекста И. Иртеньева.

В качестве особого средства создания публицистичности И.Иртеньев использует идеологемы. Употребление последних свидетельствует о включении в коммуникацию идеологического сознания адресата. Автор-иронист воспроизводит в своих произведениях сдвиги, происходящие в общественном сознании, которое долгое время находилось под давлением официальной идеологии. Исследуемый сверхтекст, охватывающий периоды перестройки, постперестроечное время и первые годы XXI века, насыщен идеологемами и мифологемами советского и постсоветского времени.

Основным объектом иронии в сверхтексте становится идеологическая ложь. Например, в текстах, созданных до распада СССР, публицистический пафос охватывает группы реально функционирующих опорных идеологем тоталитарного мировоззрения. Реализация фундаментальных идеологем советского тоталитарного языка сопровождается разрушением искусственных семантических «добавок». Например, в стихотворении «Народ. Вход-выход» (1999) идеологема *народ* утрачивает «добавки» *гордый, радостный, счастливый, уверенный, могучий, героический*. Готовые и деформированные стереотипы *войти в народ, народ...герой труда, шагать...вместе, навсегда, ты...один, поклониться в пояс* подготавливают развитие оппозиции *я* (поэт, идеализировавший исключительность нравственной силы народа) – *народ*. Трезвый взгляд на действительность позволяет представить народ как объект горькой иронии. Гиперболические высокие предикаты-характеризаторы вытесняются характеризаторами низкими (например, *пьющий, вороватый*). Объект иронии укрупняется: лживая идеология не только ослепляет, но и оглушает народ: <...> *Он как-то сильно не вязался / С расхожим мнением о нём. / Он не был сущим и грядущим / В сиянье белоснежных крыл, / Зато он был довольно пьющим / И вороватым сильно был. / Я ослеплён был идеалом, / Я в облаках всю жизнь витал, / А он был занят чёрным налом / И Цицерона не*

читал...<...> / И тут я понял, что народ / Есть виртуальное понятие, / Фантазии поэта плод. После распада СССР И.Иртеньев продолжает оперировать идеологемами, сохранившимися в общественном сознании. Он использует идеологический фонд тоталитарного языка для номинации конкретных объектов иронии. В произведениях поэта-ирониста, как правило, лживость ключевой идеологемы обнаруживается на уровне идеологической синтагматики. Например, идеологема *враг* регулярно сочетается с идеологемой *уничтожения*.

Скептически воспринимается поэтом создание новой перестроечной политической терминологии, иронически осмысляются новейшие идеологемы. Включённые в текст идеологемы и мифологемы являются проводниками публицистической позиции автора – противника официальных идеологических догм и предписаний. Контридеологическая направленность сверхтекста, обличение идеологической лжи, коннотативные приращения к общей иронической тональности, которая в разных случаях воспринимается как горькая, щемящая, язвительная, мудрая (но не издевательская) – суть обертоны публицистического пафоса.

Категории времени и пространства рассматриваются нами на крупном участке сверхтекста, который охватывает реальное время – от начала перестройки до распада СССР – и отражает смену мировоззренческих установок, кризис общественного сознания, ломку стереотипов.

Специально исследуются ***особенности темпоральной организации участка сверхтекста.*** «Временным прототипом» выступает время перестройки. Перестройку можно считать «точкой отсчета» (Т.В. Матвеева), чрезвычайно важным моментом анализа происходящих событий. «Точка отсчета» у И.Иртеньева носит объективный характер, то есть относится к реальному времени. Перестроечное время в сверхтексте поэта представлено рядом лексических темпоральных номинаций – оценочных и нейтральных: *о перестройки пятом годе, довольно быть объектом перестройки, в столице нынче перестройка, грозит перестройке опасность, дни державных потрясений, процессов гибельных разгар, вот и настало оно – время великих свершений* (оценка меняется в зависимости от позиции субъекта речи). В целом темпоральный план осознается как исключительный, единственный в своем роде.

В сверхтексте возникает темпоральная оппозиция тогда / теперь. Можно говорить и об условно прогнозируемом будущем. Текстовое время, как показывает анализ конкретных текстов, включает реальный презентивный план, ближнюю и относительно дальнюю ретроспекцию, которая дана и обобщенно, и конкретно. Возникающая темпоральная оппозиция служит подтверждением тому, что в течении (и в восприятии) времени произошли качественные изменения. Авторская ценностная характеристика времени, охватывающего советскую эпоху, отличается прямолинейностью, которая осложняется скрытым аксиологическим подтекстом. Так, например, ирония вторгается в оценку доперестроечного времени (*Какое время было, блин!* – ввод жаргонизма снижает пафос стереотипа одобрения). Перестроечное событийное время охвачено

коллективным разочарованием (*А что теперь имеем мы? / А ничего мы не имеем*).

Для участка сверхтекста, ограниченного временем перестройки, характерно отражение динамики общественного сознания через воспроизведение течения перестроечного – реального, насыщенного событиями – времени и времени советского. В сознании героя И.Иртеньева происходит темпоральное смещение: новое, интенсивное перестроечное, время воспринимается как «чужое»; советское событийное время, представленное в ближайшей ретроспекции, часто подменяет для субъекта текущее настоящее. Человек не успевает осмыслить динамику нового времени, поэтому время советское мыслится им как непрошедшее. Идеологические клише, которыми продолжает оперировать субъект речи, объективно воспринимаются как анахронизмы и свидетельствуют о растерянности общественного сознания. Авторское обобщение вытекает из художественно-публицистического анализа времени перестройки: любая перемена оказывается катаклической для человека, находящегося в тисках идеологических примитивов.

Анализируя *особенности пространственной организации участка сверхтекста*, мы отмечаем, что для И.Иртеньева характерно отражение свойств пространства как объективной категории. В центре внимания автора – реальная современная действительность в её пространственной привязанности. В этом проявляется публицистичность мировосприятия. Вместе с тем репрезентация пространства в сверхтексте и в каждом отдельном тексте субъективна. Можно утверждать, что в творчестве И.Иртеньева воплощается объективно-субъективное представление о пространстве. При этом объективность, достоверность, фактографичность образа пространства обусловлены реальностью затекстовой ситуации; субъективность, в свою очередь, детерминирована не только мировоззренческой позицией автора, но и позицией эстетической.

Если для темпоральной системы актуальна оппозиция тогда (доперестроечное время) – сейчас (перестроечное время), то для пространственной организации важно противопоставление здесь («свое») – там («чужое») и оппозиция здесь (тогда) и здесь (сейчас). Данные оппозиции поддержаны противопоставлением открытое / закрытое (пространство) и могут пересекаться. Оппозиция здесь («свое») – там («чужое») представлена, например, в стихотворении «Ероплан летит германский» (1987). Топонимы *Русь, Престольная* (Москва), преувеличенная негативно-ироничная оценочная окраска топонима и одновременно идеологического конструкта «Германия» (*напасть басурманская, сплошная броня, нечестивый, адово страшило*) позволяют говорить о противопоставлении «своего» пространства (Русь) и «чужого» пространства, которое представлено в тексте как враждебное, агрессивное и опасное: *Ероплан летит германский – / Сто пудов сплошной брони, / От напасти басурманской, / Мать Божья, сохрани. / Кружит, кружит нечестивый / Над Престольной в небеси <...> / Кружит адово страшило, / Ищет, где б ловчее сесть...*

Образ «чужого» пространства может приобретать позитивные аксиологические приращения. Изменение оценочной позиции субъекта речи здесь можно связать с изменениями мировоззренческих ориентиров людей после начала перестройки (падение железного занавеса, появление гласности). Тяга к «иным» пространствам оказывается неудовлетворенной по банальной бытовой причине отсутствия денег. Возникает образ человека, обреченного довольствоваться лишь «своим» пространством: *Не нам бродить по тем лугам, / Не нам ступать на те отроги, / Где зреет дикий чуингам, / Пасутся вольные хот-доги.<...> / А в том краю, где нас на свет / Произвела она когда-то, / Почти и разницы-то нет / В словах «зарплата» и «заплата».*

Автором создается динамическая модель перестроечного пространства. Многогранность динамического образа советского перестроечного пространства не утрачивает фактографичности. Ощущение достоверности факта / события сохраняется. Сохраняется, следовательно, и публицистическая интерпретация мира. Движение от «замкнутого» пространства к пространству открытому отражает реальные изменения в сознании человека, его духовной и социальной жизни. Между тем *открытость* пространства не идеализируется.

Для творчества И.Иртеньева характерен синтез, сочетание элементов, свойственных как публицистическому, так и художественному тексту. Публицистический пафос является идиостилевым маркером, органичным элементом всей поэтической системы. Публицистическая стратегия не подавляет стратегию художественную: в ироническом тексте ярко проявляется поэтическое мастерство и индивидуальность поэта, сохраняются условность и содержательная многоплановость, преобладает индивидуально-образная конкретизация мысли и переживания.

Глава третья «**Субъектная организация текста и интертекстуальные связи: поиски доминант**» состоит из двух разделов.

Раздел первый «Особенности субъектной организации текста» посвящён выявлению идиостилевой специфики субъектной организации иронического сверттекста И.Иртеньева.

При выявлении идиостилевых особенностей текста И.Иртеньева на уровне субъектной организации в работе учитываются основные положения отечественных концепций образа автора (М.М. Бахтин, Н.К. Бонеева, В.В. Виноградов, Л.Я. Гинзбург, В.В. Кожин, Б.О. Корман, В.В. Одинцов, Б.А. Успенский и др.). В ходе анализа ключевых идей, связанных со спецификой субъектной структуры лирического текста и проекции этих идей на анализируемый сверттекст, мы пришли к выводу, что при характеристике идиостилевых особенностей творчества поэта-ирониста целесообразно говорить о *масочном «я»-субъекте*. В системе субъектных опосредований И.Иртеньева в центре сверттекста оказывается «я»-субъект, позиция которого может частично или полностью совпадать с точкой зрения автора; может, напротив, быть удалённой от неё.

Под *маской* в работе понимается способ опосредованного выражения точки зрения автора, состоящий в преднамеренном моделировании, сгущении и выдвигании на первый план восприятия адресата отдельных типических черт

сознания/ поведения, в том числе – речевого, «Другого». Поэт, «примеряя» ту или иную маску, учитывает, что его адресат имеет представление об основных чертах авторской идиостиловой манеры и одновременно – о свойственном «Другому» устойчивом типе мировидения и речевого поведения. Маска является средством, в которое уже заложен типаж, известная модель мировосприятия, схема поведения. На наш взгляд, использование маски позволяет скрыть, но одновременно и обнаружить точку зрения автора. И.Иртеньев меняет маски, однако, его позиция остаётся относительно постоянной.

При описании репертуара масок особое внимание уделяется языковым средствам создания маски – тем показателям, которые маркируют элемент контраста, противоречия между словом автора и словом масочного «я»-субъекта, а также способам обнаружения через маску истинной позиции автора. Отметим, что в ироническом тексте И.Иртеньева сама маска, выражая типичное мироотношение к определённым событиям, обычно «разоблачается».

Своеобразие субъектной организации сверхтекста И.Иртеньева заключается в создании театра масок. В диссертации выделяются следующие разновидности масок: эмоционально-психологические (маска человека восторженного, человека сочувствующего, человека возмущённого), моралистические (маска человека простодушного, человека меркантильного, маска моралиста), идеологические (маска советского ортодокса, маска патриота, маска борца за веру) бытовые (маска пьяницы). Маска *поэта-правдоруба* оказывается маской собирательного типа. Отдельные типы масок пересекаются. Так, маска человека простодушного может быть охарактеризована как психологическая, моралистическая, бытовая.

Технология речевой партии маски основана на портретировании: используется набор языковых средств, которые, по мнению автора, характеризуют сознание и типовую речевую манеру маски, а читателем воспринимаются как «диагностические пятна» (Т. М. Николаева). Мастерство И.Иртеньева состоит в умении обнаружить тонкую грань между голосом автора и голосом «я»-субъекта. Как правило, поэт использует контрастные языковые средства, сочетание которых приводит к резкой двуплановости изображённого слова, конфликту, парадоксу, а порой и абсурду.

Так, «я»-субъект в маске человека простодушного, склонен воспринимать действительность наивно. Он не пытается трезво анализировать и оценивать объективную реальность. В стихотворении «Хоть не бывал в Зарайске я» (2004) очевидна авторская насмешка над свойственной простодушному «я»-субъекту доверчивостью, упованием на власть и сильных мира сего, некритичностью мышления, пассивностью личной позиции. В тексте обыгрывается ставший известным благодаря СМИ факт: спикер Совета Федерации С. Миронов, став членом Союза краеведов, посетил провинциальный город Зарайск. «Я»-субъект простодушно принимает этикетную похвалу представителя федеральной власти за обещание превратить провинциальный город в курорт мирового значения. Подобное простодушие оборачивается сближением мира реального и утопического. Типовая позиция

наивного «я»-субъекта раскрывается с помощью внедрения в текст стереотипов сознания, поддерживающих мифологему прекрасного будущего (*жизнь наступит райская, жизнь ... достойную, поднимется страна* и др.): *Хоть не бывал в Зарайске я / Но знаю, что теперь / Там жизнь наступит райская, / Уж ты мне, брат, поверь. / Ведомый краеведами, / Покончит древний град, / Навек с былыми бедами, / Уж ты поверь мне, брат. / Отныне там гостиницы / Взметнутся до небес, / Орда туристов ринется / Из Штатов и ЕЭС. / Устав от жизни западной, / Припасть решив к корням, / На дух сбегутся лапотный / Все флаги в гости к нам <...>.* Иллюзорные проекты «маски» передаются с помощью устаревшей и высокой лексики: *древний град* (устар.), *навек* (высок.), *былой* (высок.), *отныне* (устар. высок.), *припасть* (высок.) к *корням*. Когда в «высокие» мечты и, соответственно, выдержанные в высоком регистре высказывания субъекта речи вторгается реальная жизнь с её бытовыми подробностями (...*похвалив обед*), наивный взгляд «я»-субъекта на мир дополняется свойственным типовой позиции простодушного нарочитым самоуничижением. Специфические речевые сигналы – разговорные и просторечные единицы, речевые неправильности (*посулив* (прост.), *заезжий* (разг.), *делов* (прост.)) «разоблачают» маску и обнажают авторскую иронию: <...>*Жизнь посулив достойную / И похвалив обед, / Отбыл в Первопрестольную / Заезжий краевед. / В Совете Федерации / У них полно делов... / А в заключенье, братцы, я / Скажу без лишних слов. / Не с нами, дармоедами, / Которым грош цена, / А с ними, краеведами, / Поднимется страна.*

Маски, которые «надевает» и «срывает» автор, позволяют опосредованно, в соответствии с избранной им стратегией, передать собственную точку зрения. Поэт не растворяется в масочном сознании «я»-субъекта, а сохраняет свою индивидуальность.

Отбор масок соответствует гражданской позиции автора, не принимающего многие явления политической, социальной, духовной жизни страны – идеологическую ложь, потребительскую «философию» современного человека, смену нравственных ориентиров общества. Использование И.Иртеньевым в системе субъектных опосредований приёма маски свидетельствует о драматургическом способе обработки языкового материала, пропущенного через ироническое сознание. Перевоплощение в масочного «я»-субъекта, достоверное «вживание» в образ всегда предполагает момент актерства, позёрства, языкового балагурства. Всё это позволяет говорить об игровой направленности творчества И.Иртеньева.

Раздел второй «Интертекстуальные связи» посвящён рассмотрению интертекста И.Иртеньева. Под интертекстуальностью понимается особый приём, состоящий в преднамеренном, сопровождающемся специальными речевыми сигналами, использовании чужого текста или его сегмента.

Мы исходим из следующей гипотезы: интертекстуальность является важным параметром, характеризующим идиостилевую манеру Игоря Иртеньева на уровне приёма, то есть намеренного, мотивированного и типизированного включения прецедентной единицы в текст. Приметы идиостиля отражаются в принципах отбора источников прецедентных единиц в их многочисленных

разновидностях, специфических способах введения прецедентной единицы в речевую ткань текста, особенностях комбинации прецедентных единиц в границах одного текста, особом репертуаре функций прецедентных единиц в тексте и сверхтекстовой среде на фоне общей художественной стратегии автора.

На уровне отбора прототекстов индивидуальные предпочтения поэта связаны преимущественно с произведениями русской литературы. Мы зафиксировали прецедентные единицы из произведений М.В. Ломоносова, Н.А. Радищева, Г.Р. Державина, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.И. Тютчева, Н.А. Некрасова, И.А. Тургенева, А. Блока, С. Есенина, В.Маяковского, Б. Пастернака, О.Мандельштама, М. Горького, И. Ильфа и Е.Петрова, Н. Заболоцкого, Р.Рождественского, М. Исаковского, Е. Евтушенко, Д. Пригова, Ю. Арабова, А.Ерёменко. В меньшей степени И.Иртеньевым используются прецедентные единицы из русского фольклора, произведений мировой литературы (Данте, В. Шекспира, А.Дюма), текстов античных авторов, единичны извлечения из Библии. Отбираются тексты авторской песни (В.Высоцкий, Ю. Визбор, Б. Окуджава), тексты советских и современных популярных песен. Особо следует отметить пласт прецедентных единиц, извлечённых из речей политических деятелей советского и постсоветского периодов, а также лозунги.

Из прототекста автором извлекаются вербальные прецедентные единицы, которые могут выступать в виде дословных или деформированных цитат из одного или нескольких прототекстов; готового высказывания (поговорки, афоризмы); отдельного слова (имя исторического деятеля, название произведения и др.). Интертекст И.Иртеньева формируют и прецедентные единицы особого рода, к которым можно отнести жанровую форму, композиционный приём, ритмическую цитату, рифму. Так, текст «Народ, свобода, труд, Россия...» (2000) отсылает читателя к известному стихотворению А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...»: *Народ, свобода, труд, Россия./ Что, блин, ни слово — то металл./ В какой-то, помнится, связи я / Нечто подобное читал./ Идут века, проходят годы,/ Но не меняется словарь:/ Народ, Россия, труд, свобода,/ Толпа, городской, фонарь...* И.Иртеньев копирует в этом случае синтаксическую модель (преимущественно односоставные номинативные предложения) и композиционную структуру (две симметричные строфы, фигура кольца), в то время как на лексическом уровне сходство ограничено совпадением лишь одной лексемы – «фонарь». Именно через воспроизведение поэтических особенностей синтаксиса осуществляется в самом общем виде и заимствование философского подтекста. Блоковская идея о вечном и зловещем повторении жизни и смерти через повтор ключевых для русского национального сознания концептов («народ», «труд», «свобода») трансформируется в идею гнетущей повторяемости опорных единиц политического словаря, идеологических догм, неизбежно возникающих при очередной попытке сформулировать «национальную идею». Принципиальным будет и различие в пафосе: у А. Блока – трагический, у И.Иртеньева – иронический.

Отметим, что на уровне отбора прецедентных единиц поэт отдаёт предпочтение лирике, в которой авторская точка зрения сформулирована в наиболее отчётливой форме. Особый принцип отбора прецедентных источников заключается в использовании единиц, которые потенциально могут служить основой многорядного контраста.

В интертексте Игоря Иртеньева представлены все известные разновидности вербальных прецедентных единиц: цитата, аллюзия, реминисценция, жанровая форма, композиционный приём, ритмическая цитата, рифма. Предпочтение автор отдаёт цитатам.

Все способы введения прецедентных единиц в речевую структуру авторского текста свидетельствуют о единой целеустановке, связанной с различением «своего» текста и прецедентного фрагмента текста. Иртеньев, как правило, делает узнаваемыми границы «чужого» слова. Специфическим способом включения прецедентной единицы в речевую ткань текста является использование графически правильно оформленной схемы цитирования.

В авторском тексте прецедентная единица подвергается разного рода деформациям. Приём деформации прецедентных единиц осуществляется с помощью определённых способов. В их числе лексическая замена, вставка элемента (элементов), усечение компонентов прототекста, синтаксическая, морфологическая деформация, расширение правого или левого контекста. Приём деформации прецедентной единицы направлен не только на создание естественного комического эффекта. С помощью этого приёма осуществляются глубокие содержательные трансформации прецедентных высказываний, что значимо для реализации художественной стратегии автора.

Идиостилевая специфика творчества И.Иртеньева проявляется в *соединении ряда способов* деформации одной прецедентной единицы. Результат использования этого приёма – собственно смысловые, идеологические и оценочные трансформации прецедентных высказываний. Так, в стихотворении «Сильно вы себя поистаскали...» (2003) прецедентная единица, извлечённая из статьи-памфлета М. Горького «С кем вы, мастера культуры? Ответ американским корреспондентам» (1932), привязывает интертекст к конкретному времени. Деформация прецедентной единицы с помощью вставки элемента, а также за счёт расширения правого контекста позволяет переосмыслить значение прототекста на фоне современной социокультурной ситуации. Ощущается недвусмысленный намёк на продажность и конформизм современных деятелей культуры: *Ваши егозливые натуры / Помани лишь только калачом. / С кем теперь вы, мастера культуры, / Как, кому, а главное – почём?*

Наряду с деформацией прецедентных единиц в интертексте И.Иртеньева выделяем ряд приёмов, использование которых маркирует идиостилевые предпочтения автора. На конкретном текстовом материале описываются стилистическая конфликтность, погружение прецедентной единицы в ситуацию дня, монтаж прецедентных единиц, субъектные трансформации, буквализация метафорических прецедентных единиц, субъектные трансформации. Разные приёмы использования прецедентной единицы служат основой смысловых

трансформаций, способствуют созданию противоречий, нередко парадоксальных, в диалоге сознаний. Стратегия «наведения» интертекстуальных связей заключается не только в создании поля для пародии, шутки, игры, но и для многогранного осмысления «чужого» текста.

Применительно к идиостилю поэта-ирониста можно говорить о том, что прецедентные единицы в их многочисленных разновидностях и отдельные операционные способы использования прецедентных единиц используются автором для реализации конструктивного приёма контраста – не только собственно вербального, но и философского, политико-идеологического, социального, личностного, нравственного, культурно-ценностного.

В заключении обобщаются результаты проведённого исследования.

Основное содержание диссертации отражено в следующих **публикациях**:

1. Отражение живых языковых процессов в творчестве Игоря Иртенъева // Изв. Урал. гос. ун-та. 2006 г. № 44. Сер. 2, Гуманитар. науки. Вып. 12. – С. 260-266.
2. Языковая игра как примета идиостиля В.Вишневого // Языковая игра как вид лингвокреативной деятельности. Формирование языковой личности в онтогенезе: Материалы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность», 25-26 апреля 2002г. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2002. – С.83-84.
3. Отражение современной языковой ситуации в иронической поэзии И.Иртенъева // Проблемы изучения языковой картины мира и языковой личности: Материалы международной конференции «Язык. Система. Личность», 14-16 апреля 2004. Уральский гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2004. – С. 26-40. (Соавт.: Н.А. Купина).
4. Хронотоп в художественном мире И. Иртенъева // LINGUISTICA JUVENIS: Сборник научных трудов молодых ученых. Вып.4. – Екатеринбург, 2004. – С. 139-152.
5. Особенности идиостиля И. Иртенъева // Художественный текст и языковая личность: Материалы IV Всероссийской научной конференции (27-28 октября 2005г.) / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск: Изд-во ЦНТИ, 2005. – С. 161-166.
6. Агрессивное в иронических текстах И. Иртенъева // Язык вражды и согласия в социокультурном контексте современности: Коллективная монография / Отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С.355-362.
7. Особенности иронического мышления // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы VI Всероссийской научной конференции (Ульяновск, 17-20 мая 2006г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. – М.; Ульяновск: Институт языкознания РАН; Ульяновский государственный университет, 2006. – С. 83-85.

8. Приём иронической маски в творчестве И. Иртеньева // LINGUISTICA JUVENIS. Проблемы интерпретации единиц языка и текста: Сборник научных трудов молодых учёных. Выпуск 8. – Екатеринбург, 2006. – С. 72-80.
9. Персонификация власти в иронической поэзии И. Иртеньева как способ порождения конфликта // Речевые конфликты и проблемы современной языковой политики: Тезисы докладов Российской научной конференции, 3-4 октября 2006 г. Уральский государственный университет им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2006. – С. 51-53.
10. Современные языковые процессы как объект поэтической рефлексии // Современные тенденции функционирования русского языка и культура речи вузовского преподавателя: материалы Всероссийской научной конференции (г. Белгород, 27-29 ноября 2006 г.). В 2-х частях. Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. Ч.II. – С. 52-57.

Подписано в печать 25.04.2007   Формат 60×84/16

Печать офсетная. Бумага типографская.

Заказ   Усл. печ.л. 1,5   Тираж 100

Уральский государственный университет

620083, г. Екатеринбург, К-83, Ленина, 51

Типолаборатория УрГУ

